

УДК 929

DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-2-370-377

**«ВЫ МЕНЯ ПРИГЛАСИЛИ В МОСКВУ, НО Я ЗДЕСЬ НИЧЕГО НЕ МОГУ
СДЕЛАТЬ...»⁹²: О РОЛИ ЛИЧНЫХ ПЕРИПЕТИЙ В ПЕРЕГОВОРАХ
МАО ЦЗЭДУНА СО СТАЛИНЫМ В 1949–1950 ГОДАХ**

**«YOU INVITED ME TO MOSCOW, BUT I CAN'T DO ANYTHING HERE...» :
ABOUT THE ROLE OF PERSONAL VICISSITUDES IN NEGOTIATIONS BETWEEN
MAO ZEDONG AND STALIN IN 1949–1950**

М.К. Бисенгалиев
M.K. Bisengaliev

член Платоновского общества, независимый исследователь,
Россия, Москва, 125047, Миусская пл., 6, к 6

member of the Platonic society, independent researcher,
к 6, 6 Miusskaya sq., 125047, Moscow, Russia

E-mail: bermont_avalov@mail.ru

Аннотация

Статья обращена к остающемуся дискуссионным среди историков вопросу о влиянии на процесс эволюции политики Советского Союза в отношении Китая личных перипетий лидеров двух социалистических государств – Сталина и Мао Цзэдуна, чьи взаимоотношения составляют один из самых спорных моментов в истории международных отношений XX в. Приводится подробный обзор противоречивых оценок темы в современных исследованиях. Представлен историко-компаративный анализ опубликованных в последние годы воспоминаний бывших советских дипломатов, других свидетельств и архивных источников послевоенного времени. На основании проведенного анализа обосновывается актуальность пересмотра традиционных политических и идеологических трактовок вопросов, связанных с проблематикой встреч Сталина и Мао Цзэдуна в ходе советско-китайских переговоров в декабре 1949 – феврале 1950 гг., которые сопровождались оскорбительно длительными для китайского вождя перерывами аудиенций у Сталина (в результате чего Мао был вынужден задержаться в Москве на два месяца). В статье рассматривается версия о том, что длительные перерывы во встречах Сталина и Мао в декабре 1949 г. были обусловлены не только политическими расчетами и личным отношением Сталина к китайскому гостю, – как утверждает большинство мемуаристов, на мнение которых опираются исследователи, – но также состоянием здоровья и, соответственно, работоспособностью вождя СССР, который в декабре 1949 года перенес обширный инсульт, что тщательно скрывалось вне ближайшего сталинского окружения и не отражено в мемуарах, послуживших исследователям основанием для противоречивых трактовок хода советско-китайских переговоров.

Annotation

The article addresses the issue of the influence of personal vicissitudes of the leaders of two socialist States – Stalin and Mao Zedong, whose relationship is one of the most controversial moments in the history of international relations of the XX century-on the evolution of the Soviet Union's policy towards China. A detailed review of conflicting assessments of the topic in modern research is given. The article presents a historical and comparative analysis of the memoirs of former Soviet diplomats published in recent years, as well as other evidence and archival sources of the post-war period. Based on the analysis, the author substantiates the relevance of revising traditional political and ideological interpretations of issues related to the problems of meetings between Stalin and Mao Zedong during the Soviet-Chinese negotiations in December 1949 – February 1950, which were accompanied by offensively long breaks for the Chinese leader

⁹² Фраза Мао Цзэдуна цит. по [Гончаров, 2013, с. 388].

of audiences with Stalin (as a result, Mao was forced to stay in Moscow for two months). The article deals with the theory that the long breaks in the meetings of Stalin and Mao in December 1949 they were due not only to the political calculations and personal attitude of Stalin to the Chinese guest – as most memoirists, whose opinion is based on researchers, claim – but also to the health and, accordingly, the performance of the leader of the USSR, who in December 1949 suffered a massive stroke, which was carefully hidden outside the immediate Stalinist environment and is not reflected in the memoirs, which served as the basis for researchers contradictory interpretations of the course of the Soviet-Chinese negotiations.

Ключевые слова: СССР, Китайская Народная Республика, советско-китайские отношения, встреча Сталина и Мао Цзэдуна, международные отношения.

Keywords: USSR, People's Republic of China, Soviet-Chinese relations, meeting of Stalin and Mao Zedong, international relations.

Вопрос о влиянии на процесс эволюции политики Советского Союза в отношении Китая хода личных переговоров харизматичных лидеров двух социалистических государств Сталина и Мао Цзэдуна во время их встречи в 1949–1950 гг. до настоящего времени вызывает множество споров среди историков. Так, по заключению А.В. Шатохина: «Одним из самых спорных вопросов в истории международных отношений XX в. являются взаимоотношения Мао Цзэдуна и И.В. Сталина» [Шатохин, 2011, с. 118]. При этом вопрос остается относительно малоизучен, будучи ограничен, в основном, субъективными мемуарными публикациями и комментариями к ним. Вероятно, свою роль в этом сыграла традиция нивелирования «роли личности в истории», характерная для подхода советских историков. В то же время представленный в предлагаемой работе источниковедческий и историко-компаративный анализ тематических мемуаров, как ставших «классическими» для современных исследователей, так и опубликованных в последние годы воспоминаниях бывших советских дипломатов⁹³, проведенный с привлечением внемуарных источников и архивных материалов послевоенного времени (таких как медицинские свидетельства о здоровье И.В. Сталина), не только предоставляет новый обширный фактический материал, но также в значительной степени позволяет преодолеть субъективизм «мемуарной» истории⁹⁴ и более полноценно разобраться в закулисной подоплеке принятия политических решений, инициированных встречами Сталина и Мао Цзэдуна.

Как писал Н.С. Хрущев, один из свидетелей встречи двух коммунистических вождей: «Политика – это игра, и Мао Цзэдун всегда играл в нее с азиатским коварством, следуя своим правилам лести, предательства, беспощадной мстительности и лжи» [Хрущев, 1990, с. 108]. И по сегодняшний день встречу Сталина и Мао большинство исследователей расценивают как «спаринг» двух профессиональных и равноценных игроков, выискивая мотивы политической игры в каждом их действии. В этой связи ряд историков сравнивает переговоры Сталина и Мао с по-византийски изощренным словесным поединком [Люблина, 2008]. Известный немецкий политолог Дитер Хейнциг в монографии «Советский Союз и коммунистический Китай, 1945–1950: Трудный путь к альянсу» [Heinzig, 2015] уделяет специальную главу московской встрече Сталина с Мао, где, опираясь на множество новых источников, документально демонстрирует, с каким трудом этот альянс был достигнут, несмотря на разногласия и недоверие с обеих сторон, и что он не был неизбежным итогом встречи вождей, в особенности при выборе в тот момент Америкой иной политики в отношении КПК.

Следует также учесть, что это была также первая поездка Мао Цзэдуна за границу. Известно, что он планировал встречу со Сталиным в Москве с 1947 года, но неоднократно от-

⁹³ Обзор этих источников см.: [Тихвинский, 2007; Heinzig, 2015, p. 480–504].

⁹⁴ О проблематике работы с источниками личного происхождения исследуемого периода, в особенности – мемуарными, см., напр.: [Соколов, 2011, с. 259–260], в работе которого отмечается, что «для исследователей важно обнаружить несоответствия между мемуарами и другими источниками» [Соколов, 2011, с. 261].

кладывал ее, как правило, по просьбе Сталина [Heinzig, 2015, p. 263]. Таким образом, на личную встречу с «вождем мировой революции» Мао должен был возлагать большие надежды. Однако, согласно мемуарным свидетельствам, при личном знакомстве в декабре 1949 – феврале 1950 г. Сталин и Мао вели переговоры с некоторым напряжением, а их встречи в первый месяц пребывания Мао в Москве были оскорбительно редки для высокого китайского гостя. В итоге Мао, всенародно заявивший в опубликованном центральными газетами СССР 3 января 1950 г. «Интервью корреспондента ТАСС с председателем Центрального народного правительства Народной республики Китая господином Мао Цзэдуном» [Ковалев, 1997], что приехал в СССР на несколько недель, отбыл из СССР лишь 17 февраля 1950 г., после того как 14 февраля 1950 года в Москве был подписан «Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР» [Heinzig, 2015, p. 290–293].

Столь длительное пребывание Мао в СССР дало повод как советским, так и китайским исследователям проявить недюжинную фантазию в объяснении того весьма странного факта, что в первый месяц нахождения Мао Цзэдуна с дружественным визитом в Москве Сталин уделял ему очень мало внимания, чем нанес гостю обиду, отразившуюся на дальнейших отношениях стран. Рассуждения об этом событии во многом основаны на идеологических построениях мемуаристов, на которые опираются многие гипотезы современных исследователей. Так, Ю.М. Галенович, ссылаясь на мемуарные источники, приходит к заключению, что, игнорируя пребывание в Москве Мао Цзэдуна, ожидающего его аудиенции, Сталин таким образом защищал интересы России – СССР [Галенович, 2009].

Ряд историков полагает, что «Сталин вообще не был заинтересован в создании единого мощного Китая под контролем коммунистов, что он хотел раздробить эту страну» [Галенович, 2009, с. 186], поэтому поддерживал противостояние «Севера» с «Югом» и лишь в начале 1950 г. изменил свое мнение – отсюда произошедший прогресс в переговорах Мао со Сталиным. Другие исследователи приводят различные конкретные, но неизменно политические версии, порою анекдотичные. Например, по мнению М. Люблина, «Мао выдумал способ, как заставить Сталина начать переговоры. На своей даче, полной прослушивающих устройств, он громко заявил, что готов договориться с США, Великобританией и Японией...», что, по мнению автора, «подтолкнуло Сталина начать переговоры, потому что он стал бояться внешнеполитического поворота Пекина» [Люблина, 2008, с. 153–154]. В упоминавшейся ранее монографии немецкий ученый Д. Хейнциг также отмечает роль советской «прослушки», сознательно использованной Мао для интенсификации переговоров [Heinzig, 2015, p. 288]. Автор посвящает «двум унижительным неделям “томления в собственном соку” на даче Сталина» [Heinzig, 2015, p. 294] две специальные части главы «Сталин и Мао Цзэдун в Москве: достижение союза» («“Stewing in His Own Juices at the Dacha”: Act I» [Heinzig, 2015, p. 281–283] и «Act II» [Heinzig, 2015, p. 286–290]). Хейнциг не рассматривает причин сложившейся ситуации, однако причиной её преодоления называет кардинальное изменение мнения Сталина по поводу необходимости заключения нового договора между СССР и Китаем: если на встрече с Мао 16 декабря 1949 года Сталин был категорически против его заключения, то уже в начале января 1950 года его позиция переменилась и начались конструктивные переговоры [Heinzig, 2015, p. 290–293].

С другой стороны, в изданной в серии «ЖЗЛ» монографии «Мао Цзэдун» известного американского исследователя, проф. Капитолийского университета США А.В. Панцова [Панцов, 2006], позиция Сталина истолковывается не иначе как изощренное коварство: «Сталин сознательно гнул свою линию. Ему очень хотелось унижить Мао, дать тому урок на будущее, сбить с него спесь...». Это мнение А.В. Панцов развивает и в своей англоязычной книге о Мао [Pantsov, Levine, 2012].

Однако тот же автор на основании новоопубликованных документов предлагает «переосмыслить даже некоторые ставшие общепринятыми оценки взаимоотношений Мао Цзэдуна со Сталиным» [Панцов, 2012, с. 75], в частности отмечая, что «именно Москва активно способствовала выдвиганию Мао и <...> именно Москве и прежде всего Сталину Мао обязан своим возвышением» [Панцов, 2012, с. 75–87]. Противоречивость данных

А.В. Панцовым оценок можно в первую очередь связать с противоречивостью самих рассматриваемых фактов: помощи Сталиным Мао и его оскорбительным бездействием во время визита Мао Цзэдуна. Эта оскорбительность ныне стала общим местом в работах китайских историков, опирающихся на высказывания самого Мао Цзэдуна и воспоминания его ближайшего окружения⁹⁵.

В марте 1956 года на совещании Политбюро ЦК КПК Мао Цзэдун кратко рассказал о поездке к Сталину и своей обиде на него следующее: «В 1949 году я поехал в Москву и поздравил с днем рождения Сталина <...> Я выступил с приветствием, но Сталин, как прежде, относился очень холодно к нам. Затем я рассердился и вскипел гневом, потом он согласился подписать Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР» [Цзяцин, 2008, с. 62–63]. Мемуары личного переводчика Мао Цзэдуна Ши Чжэ (1905–1988), которые были опубликованы в 1991 г. в Китае под названием «Рядом с великанами истории», передают слова Мао Цзэдуна, сказанные «на пределе терпения», когда «он взорвался и рассердился» от длительного ожидания аудиенции Сталина [Галенович, 2009, с. 307].

Когда И.В. Ковалев, сопровождавший Мао из Пекина, приехал к нему на дальнюю сталинскую дачу «Зубалово» во второй половине декабря 1949 г., «Председатель Мао в разговоре с Ковалевым дал волю своему гневу. Он заявил: “Вы меня пригласили в Москву, но я здесь ничего не могу сделать, для чего я вообще сюда приехал? Не для того ли я приехал, чтобы есть, посещать уборную да спать?”» [Гончаров, 2013, с. 388]. На вопрос И.В. Ковалева о планах, Мао вновь повторил грубо звучащую для китайцев характеристику своего приезда в Москву и добавил: «Разве я, Мао Цзэдун, приехал в Москву только для того, чтобы поздравить Сталина с юбилеем?» [Галенович, 2009, с. 307].

Согласно версии самого И.В. Ковалева (с негативным докладом которого о случившихся «перегибах» Мао Сталин впоследствии ознакомил самого Мао Цзэдуна в качестве знака доверия), Сталин оставил китайского вождя во временной изоляции в наказание за то, что тот отцепил вагон с подарками от правительства Манчжурии на сталинский юбилей, что можно считать еще одним объяснением случившемуся из «мемуарной» истории. Согласно этой версии, опирающейся на свидетельство И.В. Ковалева как очевидца события, когда к поезду Мао Цзэдуна, направлявшемуся к границе СССР, прицепили вагон с подарками, Мао распорядился: «Вагон отцепите и подарки выгрузите» <...> инцидент вызвал раздражение и у Сталина, которому было доложено шифровкой. <...> Мао оставался на даче в одиночестве, как бы в качестве узника. <...> По-видимому, Сталин очень сильно обиделся на решение Мао в отношении снятия портретов и отцепки вагона с подарками Сталину» [Ковалев 1997].

В записи состоявшейся впоследствии в Пекине беседы с Мао Цзэдуном переводчик его трудов на русский язык чл.-корр. АН СССР П.Ф. Юдин отмечал следующее⁹⁶:

«На первой же беседе со Сталиным, сказал Мао Цзэдун, я внес предложение заключить договор по государственной линии, но Сталин уклонился от ответа. Во время второй беседы я вновь возвратился к этому вопросу, показав Сталину телеграмму ЦК КПК с подобной же просьбой о договоре. Я предложил для подписания договора вызвать в Москву Чжоу Эньлая, поскольку он является министром иностранных дел. Сталин воспользовался этим предложением в качестве предлога к отказу и сказал, что “так поступать неудобно, поскольку буржуазная печать будет кричать о том, что все китайское правительство находится в Москве”. Впоследствии Сталин уклонялся от всяких встреч со мной. С моей стороны была попытка дозвониться к нему на квартиру, но мне ответили, что Сталина нет дома,

⁹⁵ Современный англоязычный обзор китайских работ по теме представлен в главе «Поездка Мао в Москву» и обширных примечаниях к ней в книге проф. Восточного университета Китая Шень Чжихуа «Сталин и Корейская война: Трехсторонние отношения в 1950-е годы» [Zhihua, 2012, p. 88–105, 218–222].

⁹⁶ На встрече с Мао Цзэдуном 8 февраля 1950 г. Сталин предложил издать в СССР его работы, рекомендовав для этого бывшего директора Института философии, чл.-корр. АН СССР П.Ф. Юдина, и уже в июле 1950 г. Юдин прибыл в Пекин. В этой связи приводимое свидетельство, как представляется, следует отнести более к области документальной, чем «мемуарной» истории.

и рекомендовали встретиться с Микояном. Меня все это обидело, сказал Мао Цзэдун, и я решил ничего больше не предпринимать и отсиживаться на даче. Затем состоялся неприятный разговор с Ковалевым и Федоренко, которые предложили мне поехать в экскурсию по стране. Я резко отклонил это предложение и ответил, что предпочитаю «отсыпаться на даче». Спустя некоторое время, продолжал Мао Цзэдун, мне вручили проект моего интервью для печати, который был подписан Сталиным. В этом документе сообщалось, что в Москве идут переговоры о заключении советско-китайского договора. Это уже был значительный шаг вперед. Возможно, что в изменении позиции Сталина, сказал Мао Цзэдун, нам помогли индусы и англичане, которые в январе 1950 г. признали КНР» [Григорьев, Зазерская, 1994, с. 105–106].

Таким образом, мы находим в пояснениях Мао еще одно политическое объяснение произошедшего изменения позиции Сталина к его приезду: признание КНР Англией, что открывало для Мао возможность нежелательных для СССР альянсов. Однако встречи Сталина с Мао возобновились и стали регулярными с начала января 1950 г., т. е. до этого признания. Что касается упомянутой Мао обиды, вероятнее всего, ее следует в первую очередь связать не только со вполне естественными опасениями амбициозного лидера «потерять лицо», обманув ожидания КПК, но и с очевидным обманом его личных ожиданий, незадолго до того инспирированных самим Сталиным.

Известно, что ко времени визита в Москву накопились серьезные проблемы во взаимоотношениях двух лидеров – Мао искал союзников не только в Москве, не нашёл, но всё равно победил. Сталин же пытался в Китае «усидеть между двух стульев», КПК и Гоминьданом, более того – в 1945 г. заключил с Чан Кайши полноценный договор о «дружбе и союзе», что, фактически, поддерживало раскол в стране, а не китайских коммунистов. Лишь в начале 1949 г., когда стало очевидно, что КПК берет верх, политика СССР стала перестраиваться. В Китай выехал один из наиболее влиятельных советских политиков, член Политбюро А.И. Микоян; с ответным визитом в июле 1949 года в Советский Союз прибыл представитель КПК Лю Шаоци, один из самых близких к Мао людей, которому был оказан в высшей степени дружеский приём. На банкете Лю Шаоци было предоставлено место рядом со Сталиным, который вел себя скромно и излучал дружелюбие [Галенович, 2009, с. 219]. По сообщениям китайских источников, приводимым Ю.М. Галеновичем, во время визита Лю Шаоци Сталин приватно «выразил ему сожаление, что он лично и другие в прошлом вмешивались в китайскую революцию своими советами и предложениями. При этом он сказал, что “мы были помехой для вас, и я очень об этом сожалею”. И хотя самокритичное это признание было сделано приватно, оно представляется очень необычным для Сталина» [Галенович, 2009, с. 279].

В этом ракурсе оказывается особенно неожиданным и нелогичным совершенно иное холодное отношение советского вождя к приему Мао в декабре 1949 г., частично объясняющее степень его недоумения и обиды. Так зачем же было злить лидера потенциальной стратегической партии-партнёра, которую раньше недооценивали, неделями уклоняясь от встреч и любых переговоров с ним (даже телефонных), после столь дружественного приёма его представителя и демонстрации тому самых позитивных намерений?

Представляется, что все рассмотренные версии не учитывают в объяснении действий игроков «византийского диалога» тот факт, что один из них мог на время выйти из игры по состоянию здоровья, а не по коварному расчету.

Несмотря на то, что в течение 1951–1952 гг. Сталин отказывался проходить медицинские осмотры, а «после ареста личного врача Сталина, профессора Виноградова, в 1952 году Сталин приказал уничтожить все его медицинские записи, очевидно, решив, чтобы никто не имел доступа к объективным данным о своем физическом состоянии» [Medvedev, Medvedev, 2003, p. 1, 6], согласно свидетельствам историков: «Очень тщательно, в том числе от официального окружения Сталина, скрывался тот факт, что в 1943, 1944 и 1945 годах Сталин перенес спазм мозговых сосудов, а возможно, и кровоизлияние в мозг <...> в декабре 1949 года Сталин перенес тяжелый инсульт <...> Практически отнялись рука и нога, нарушилась речь. В дальнейшем состояние несколько улучшилось, но Сталин почти не принимал посетителей, перестал работать с документами» [Вахания, 2004, с. 326]. На праздновании семидесятилетия

Сталина 21 декабря 1949 г. Мао посадили рядом с вождем, однако общение не состоялось – Сталин «сидел молча и не поднялся, чтобы поблагодарить тех, кто произносил речи в его честь» [Медведев, 1997, с. 5]. И лишь в январе 1950 г. Сталин стал возвращаться к руководству страной. Однако, согласно журналу записей посещений кремлевского кабинета Сталина, в 1949 г. перерыв в его приемах составил 3 месяца: между 2 сентября и 10 декабря 1949 года Сталин никого не принимал [Чернобаев, 2008, с. 10, 527]. Во многом причиной тому послужил случившийся с ним инсульт. В этой связи представляется уместным связать длительные перерывы во встречах Сталина и Мао в декабре 1949 г. не только с рассмотренными выше политическими расчетами и личным отношением Сталина к китайскому гостю, как утверждает большинство мемуаристов, но также с состоянием здоровья и, соответственно, работоспособностью вождя СССР.

Из мемуарных свидетельств известно, что уже на их первой встрече в 1949 г. Мао показал себя непредсказуемым и во многом равным Сталину по искусству переговоров собеседником, о чём свидетельствует рассмотренная исследователями «запись беседы товарища Сталина И.В. с Председателем Центрального Народного правительства Китайской Народной Республики Мао Цзэдуном 16 декабря 1949 года» [Гончаров, 2013, с. 12].

Известны также сообщения советских представителей в Китае о ряде скептических отзывов Мао и его критическом отношении к некоторым аспектам политики КПСС, которые могли побудить Сталина проявить ответное настороженное поведение в отношении независимого от Москвы председателя коммунистической партии, управляющей большей частью Китая. Об этом недоверии неоднократно вспоминал и сам Мао [Панцов, 2012, с. 80]. Также получил широкую известность конспект критических отзывов Мао о Сталине представителя Коминтерна П.П. Владимирова, который (на его основании) предупреждал Сталина еще в 1943 г., что «Мао Цзэдуна рассматривает СССР не в качестве идейного союзника и друга, а как попутчика, которого следует любыми средствами “доить”» [Галенович, 2009, с. 64]. «Вместо честного сотрудничества с Москвой, основанного на идейной общности, игра» [Галенович, 2009, с. 77].

В Кремле опасались появления – после прихода к власти в Китае КПК во главе с Мао – «второй Югославии» и второго, «китайского Тито» [Галенович, 2009, с. 70; Heinzig, 2015, p. 266], а потому переговоры с ним действительно требовали «византийской изощренности». Очевиден факт, что именно болезнь Сталина, т. е. последствия перенесенного в лобной доле инсульта, могла привести к его осторожности во встречах с Мао, вызвавшей возмущение последнего и ту «азиатскую обиду», о которой писал Н.С. Хрущев, впоследствии сказавшийся на отношениях двух социалистических держав.

Предшествующая приезду Мао демонстративно дружественная встреча его ближайшего соратника по КПК Лю Шаоци позволяет предположить, что Сталин возлагал и на встречу с Мао большие ожидания, однако частично утраченная дееспособность после инсульта принудила его проявить осторожность и, как следствие, помешала провести встречи с ним в скорое время, что обидело Мао и, в свою очередь, сказалось на дальнейшем развитии событий и их итоговой оценке.

Учет фактора болезни Сталина в качестве одной из главных причин затянувшихся переговоров и вызвавших негодование Мао неурядиц, связанных с длительно отлагавшимися встречами Сталина и Мао, на наш взгляд, снимает отмеченные выше противоречия исследовательских оценок и позволяет рассмотреть последовательность этого события в едином логичном ракурсе. Образно говоря, кроме истории «болезни левизны» в большевизме учету историков, несомненно, подлежат и подлинные истории болезней – в частности, «удары» – его вождей, о которых мемуарная литература деликатно умалчивает.

Список литературы

1. Вахания В.В. Личная секретная служба И.В. Сталина: Стратегическая разведка и контрразведка: Сб. док. М., 2004. 416 с.

2. Галенович Ю.М. Сталин и Мао. Два вождя. М., 2009. 576 с.
3. Гончаров С.Н. «Диалог Мао Цзэдуна со Сталиным»: история одного интервью через призму одной жизни // Общество и государство в Китае. 2013. Т. 43 (2). С. 356–401.
4. Григорьев А., Зазерская Т. Мао Цзэдун о китайской политике Коминтерна и Сталина. Запись беседы П.Ф. Юдина с Мао Цзэдуном 31 марта 1956 г. // Проблемы Дальнего Востока. 1994. № 5. С. 103–111.
5. Ковалев И.В. Россия и Китай. (С миссией в Китае / Переговоры Сталина и Мао) // Дуэль. 1997. 5 ноября. (Электронный ресурс) URL: <http://library.maoism.ru/Kovalyov.htm> (дата обращения: 04.03.2020).
6. Ледовский А.М. 1999. СССР и Сталин в судьбах Китая. Документы и свидетельства участника событий. 1937–1952. Москва. Памятники исторической мысли, 344.
7. Люблина М. «Византийский поединок» Иосифа Сталина и Мао Цзэдуна // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії: зб. наук. пр. 2008. Вип. 11. С. 150–156.
8. Медведев Р.А. Здоровье и власть в России. Новый класс российского общества. Александр Солженицын: три года в новой России // Пути России. М., 1997. 78 с.
9. Панцов А.В. Мао Цзэдун. 2-е изд., испр. М., 2012. 880 с.
10. Панцов А.В. Как Сталин помог Мао Цзэдуну стать вождем // Вопросы истории. 2006. № 2. С. 75–87.
11. Соколов А.А. Хо Ши Мин: поездки в СССР в 1950 и 1952 гг.: «мемуарная» история // Вьетнамские исследования. 2011. № 1. С. 259–301.
12. Тихвинский С.Л. Мемуарная литература по истории советско-китайских отношений (1939–1950 годы) // Новая и новейшая история. 2007. № 3. С. 109–126.
13. Федоренко Н.Т. Сталин и Мао Цзэдун // Новая и новейшая история. 1992. № 5. С. 98–113; № 6. С. 83–95.
14. Федоренко Н.Т. Беседа с Мао Цзэдуном // Новая и новейшая история. 1996. № 2. С. 135–148.
15. Хрущев Н.С. Мао Цзэдун и раскол // Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 2. С. 108–116.
16. Цзяцин С. Мао Цзэдун совершил визит в СССР // Современные гуманитарные исследования. 2008. № 2. С. 62–63.
17. Чернобаев А.А. (ред.). На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924–1953 гг.). Справочник. М., 2008. 784 с.
18. Шатохин А.В. Взаимоотношения Мао Цзэдуна и И.В. Сталина в процессе создания нового государства в Китае // Пятые Байкальские международные социально-гуманитарные чтения: материалы. В 4 т. Т. 4. Иркутск, 2011. С. 118–120.
19. Heinzig Dieter. The Soviet Union and Communist China 1945–1950: The Arduous Road to the Alliance. New York, 2015. 488 p.
20. Medvedev Zhores, Medvedev Roy. The Unknown Stalin: His Life, Death, and Legacy. Woodstock, NY: Overlook Press, 2003. 335 p.
21. Pantsov A.V., Levine S.I. Mao: The Real Story. New York, 2012. 735 p.
22. Zhihua Shen. Mao, Stalin and the Korean War: Trilateral Communist Relations in the 1950s (trans. Neil Silver). London: Routledge, 2012. XIII + 249 p.

Referenses

1. Vakhaniya V.V. 2004. Lichnaya sekretnaya sluzhba I.V. Stalina: Strategicheskaya razvedka i kontrrazvedka: Sb. dok. [Personal secret service of I. V. Stalin: Strategic intelligence and counterintelligence]. Moscow: Svarog, 416 (in Russian).
2. Galenovich Yu. M. 2009. Stalin i Mao. Dva vozhdya [Stalin and Mao. Two of the leader]. Moscow: Vostochnaya kniga, 576 (in Russian).
3. Goncharov S.N. 2013. «Dialog Mao Tszeduna so Stalinym»: istoriya odnogo interv'yu cherez prizmu odnoy zhizni [«Mao Zedong's dialogue with Stalin»: the story of one interview through the prism of one life. Society and state in China]. Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae. 43 (2): 356–401 (in Russian).
4. Grigor'ev A., Zazerskaya T. 1994. Mao Tszedun o kitayskoy politike Kominterna i Stalina. Zapis' besedy P.F. Yudina s Mao Tszedunom 31 marta 1956 g. [Mao Zedong on the Chinese policy of the Comintern and Stalin. Record of a conversation between P.F. Yudin and Mao Zedong on March 31, 1956]. Problemy Dal'nego Vostoka, 5: 103–111 (in Russian).

5. Kovalev I.V. 1997. Rossiya i Kitay (S missiey v Kitae / Peregovory Stalina i Mao) [Kovalev I.V. Russia and China (With a mission in China / Negotiations between Stalin and Mao)]. *Duel'*. November, 05. URL: <http://library.maoism.ru/Kovalyov.htm> (accessed: 04.03.2020) (in Russian).
6. Ledovskiy A.M. 1999. SSSR i Stalin v sud'bach Kitaya. Dokumenty i svidetel'stva uchastnika sobytiy. 1937–1952 [Ledovskiy A.M., 1999. The USSR and Stalin in the fate of China. Documents and certificates of the participant of events. 1937–1952] Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 344 (in Russian).
7. Lyublina M. 2008. «Vizantiyskiy poedinok» Iosifa Stalina i Mao Tszeduna [Lublina M. «The Byzantine duel» of Joseph Stalin and Mao Zedong]. In: Aktual'ni problemi vitchiznyanoi ta vsesvitn'oi istorii [Actual problems of national and world history]: zb. nauk. pr., 11: 150–156 (in Russian).
8. Medvedev R.A. 1997. Zdorov'e i vlast' v Rossii. Novyy klass rossiyskogo obshchestva. Aleksandr Solzhenitsyn: tri goda v novoy Rossii [Medvedev R.A. Health and power in Russia. A new class of Russian society. Alexander Solzhenitsyn: three years in the new Russia] // Puti Rossii [Way of Russia]. Moscow: Russlit, 78 (in Russian).
9. Pantsov A.V. 2012. Mao Tszedun [Mao Tszedun]. Moscow: Molodaya Gvardiya, 880 (in Russian).
10. Pantsov A.V. 2006. Kak Stalin pomog Mao Tszedunu stat' vozhdem [How Stalin helped Mao Zedong to become a leader]. *Voprosy istorii*, 2: 75–87 (in Russian).
11. Sokolov A.A. 2011. Kho Shi Min: poezdki v SSSR v 1950 i 1952 gg.: «memuarnaya» istoriya [Ho Chi Minh: trips to the USSR in 1950 and 1952: a «memoir» history]. *V'etnamskie issledovaniya*, 1: 259–301 (in Russian).
12. Tikhvinskiy C.L. 2007. Memuarnaya literatura po istorii sovetsko-kitayskikh otnosheniy (1939–1950 gody) [Memoir literature on the history of Soviet-Chinese relations (1939–1950)] // *Novaya i noveyshaya istoriya*, 3: 109–126 (in Russian).
13. Fedorenko N.T. 1992. Stalin i Mao Tszedun [Stalin and Mao Tszedun]. *Novaya i noveyshaya istoriya*, 5: 98–113; 6: 83–95 (in Russian).
14. Fedorenko N.T. 1996. Beseda s Mao Tszedunom [Conversation with Mao Zedong]. *Novaya i noveyshaya istoriya*, 2: 135–148 (in Russian).
15. Khrushchev N.S. 1990. Mao Tszedun i raskol [Mao Zedong and division]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2: 108–116 (in Russian).
16. Tsyatsin S. 2008. Mao Tszedun sovershil vizit v SSSR [Mao Zedong paid a visit to the USSR]. *Sovremennye gumanitarnye issledovaniya*, 2: 62–63 (in Russian).
17. Chernobaev A.A. (ed.). 2008. Na prieme u Stalina. Tetradi (zhurnaly) zapisey lits, prinyatykh I.V. Staliny (1924–1953 gg.) [At Stalin's reception. Notes (journals) of records by the people received by I.V. Stalin (1924–1953)]. Moscow: Noviy khronograph, 784 (in Russian).
18. Shatokhin A.V. 2011. Vzaimootnosheniya Mao Tszeduna i I.V. Stalina v protsesse sozdaniya novogo gosudarstva v Kitae [Relations between Mao Zedong and I.V. Stalin in the process of creating a new state in China]. In: Pyatye Baykal'skie mezhdunarodnye sotsial'no-gumanitarnye chteniya: materialy: In 4 vol. [Fifth Baikal international social and humanitarian readings: materials V.4]. Irkutsk, Izdatel'stvo Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta, 4: 118–120 (in Russian).
19. Heinzig Dieter. 2015. The Soviet Union and Communist China 1945–1950: The Arduous Road to the Alliance. Armonk, New York: M.E. Sharpe, 488.
20. Medvedev Zhores, Medvedev Roy. 2003. The Unknown Stalin: His Life, Death, and Legacy. Woodstock, New York: The Overlook Press, 335.
21. Pantsov A.V., Levine S.I. 2012. Mao: The Real Story. New York: Simon & Schuster, 735.
22. Zhihua Shen. 2012. Mao, Stalin and the Korean War: Trilateral Communist Relations in the 1950s (trans. Neil Silver). London: Routledge, 249.

Ссылка для цитирования статьи
Link for article citation

Бисенгалиев М.К. 2020. «Вы меня пригласили в Москву, но я здесь ничего не могу сделать...»: о роли личных перипетий в переговорах Мао Цзэдуна со Сталиным в 1949–1950 годах. *Via in tempore. История. Политология*, 47 (2): 370–377. DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-2-370-377.

Bisengaliev M.K. 2020. «You invited me to Moscow, but i can't do anything here...»: about the role of personal vicissitudes in negotiations between Mao Zedong and Stalin in 1949–1950. *Via in tempore. History and political science*, 47 (2): 370–377 (in Russian). DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-2-370-377.